

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ им. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛЯЯ

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ

ВЫПУСК XIII

СТРАНЫ И НАРОДЫ БАССЕЙНА
ТИХОГО ОКЕАНА

Книга 2

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1972

А. Г. Шпринцин

О ЗАИМСТВОВАНИИ КИТАЙСКОЙ РЕЧЬЮ РУССКОЙ ЛЕКСИКИ

I

В статье «О китайско-русском диалекте на Дальнем Востоке», опубликованной в одном из предшествующих выпусков серии «Страны и народы Востока» [6], отмечалось, что в речи китайских иммигрантов, проживавших в свое время в разных районах Советского Союза, бытовало значительно больше русских слов, чем в китайском языке вообще и чем это отмечено в специальной литературе. В предлагаемой работе приводятся языковые факты, подтверждающие это предположение. Они также свидетельствуют, что иноязычные заимствования в письменный китайский язык и в устную речь нередко относятся к различным слоям и элементам лексического состава языка. Предметом рассмотрения настоящей статьи являются лексические элементы, бытовавшие именно в устной речи (что подчеркивается в ее названии) и зарегистрированные в письменных текстах лишь в отдельных случаях. Предварительно следует, однако, охарактеризовать некоторые внелингвистические факторы, в известной мере предопределившие эту языковую ситуацию.

В начале 30-х годов, когда производился сбор анализируемых данных, на территории Советского Союза — от Владивостока до Мурманска и Донбасса, но преимущественно в Дальневосточном крае и Сибири¹ — проживало несколько десятков тысяч китайцев. За исключением относительно небольшого числа политэмигрантов и учащихся Коммунистического университета трудящихся Китая, все остальные были выходцами из Северо-Восточного, Северного и Восточного Китая, в подавляющем большинстве случаев из пров. Шаньдун², приезжавшими в Россию на заработки, в частности завербованными в годы первой мировой войны на тыловые работы (постройку Мурманской

¹ Об этом можно судить, например, по числу мест, выделенных местным организациям на командировку учащихся в Дальневосточную краевую китайскую совпартшколу в 1931 г. «А. Европейские районы Союза: Ленинградский — 1 человек, Сталинградский — 1, Баку — 4, Донбасский — 4, Харьковский — 4, Уральский — 4, г. Сталино (Донецк) — 10, Ростов — 10 и Якутская республика — 10 человек» [см. 11, 23.VI.1931].

² Не случайно в китайско-русском диалекте бытовало выражение «Чифу хади», означавшее «приехать из Китая» или «уехать в Китай». Чифу (Чжифу) — название полуострова и устаревшее название города и порта Яньтай в северной части провинции Шаньдун, откуда в основном направлялась китайская эмиграция в другие страны, в частности в Россию. Из доклада мандатной комиссии на Первой конференции по латинизации китайской письменности (Владивосток, 1931 г.) видно, что все 75 делегатов-китайцев были выходцами из Китая, шаньдунцев среди них было 43 человека.

железной дороги, на угольные шахты Донбасса и т. п.). Именно этим объясняется полное отсутствие среди китайского населения Советского Союза местных уроженцев и то, что почти сто процентов приезжавших были мужчины, семьи которых оставались в Китае.

Иллюстрацией к сказанному и вместе с тем хорошим примером местной китайской речи с вкраплением заимствованных русских слов может служить приводимая ниже в оригинале и в переводе на русский язык автобиография, написанная в 1934 г. одним из слушателей курсов, готовивших инструкторов по организации обучения на китайском латинизированном алфавите. Китайский текст публикуется с сохранением орфографии подлинника, что небезынтересно с точки зрения слитного-раздельного написания слов. Необходимые пояснения приведены после текста.

Shao Guozheng sh shandung dengzhoufu lofungxian, 1896 sheng-rhen.

Zai gialidi shhou pingia meiou ditu, meiou fanch, zai giall shou zbenyadi iapo.

Wo ie meiou fazla dao 1917 nian shang lai dao Oguo. Zai Xais-henwei zo gung liang go ye.

Na go shxou zai shaxuangdi shdai, nago shxou zbengia xo changzhumn tung tungsh^{a)} sh bosyo gungrhen xo nengmindl, nago shxou zai gungchangzogung itian zo 12 dianzhung zhe xuansh xaodi.

Zai xuan iou r xingpi^{b)} xo tungsh gei tamn zogung xuan sh geng do-la. Wo ikan bu xao na nian liu ye wo ziu laidao xuangxo gouli ky zogung.

Wo zai mashen^{c)} shang zo gung 7 nian. Wo ie sh udalinik^{d)}. Xian-zai Sullan guogia dai gungrhen nungrhen xen iou lijidi.

Neng giao gungnian^{e)} shz wen-xua tigao koji neng gianshe she-xuizhuji.

Шао Го-чжэн. Родился в 1896 г. в уезде Лофэн, пров. Шаньдун.

Семья была бедняцкая, безземельная; жили впроголодь и страдали от гнета богатеев.

Не видя другого выхода, я в 1917 г. отправился в Россию. Проработал два месяца (года?— А. Ш.) во Владивостоке.

Это было еще при царе, когда капиталисты и заводчики вместе с китаяцами-подрядчиками эксплуатировали рабочих и крестьян, когда 12 часов работы на заводе считалось еще счастьем.

А ведь [кроме этого] имелись живодеры и подрядчики, на которых надо было работать еще больше. Увидев, что дело плохо, я в июле того же года подался работать на прииск.

Я работаю у машины семь лет. Я ударник. Теперь Советское государство все делает для пользы рабочих и крестьян.

Рабочих и крестьян обучают грамоте; они повышают [свой] культурный уровень и могут строить социализм.

a) 'tungsh' здесь значит «подрядчик-китаец»;

b) правильное написание 'erceng pi' букв. «вторая кожа», а в переносном смысле — «живодер, кровопийца»;

c) 'maschen' рус. «машина»;

d) 'udalinik' рус. «ударник»;

e) очевидно, ошибочное написание вместо gung-nung (gong-nong).

Приведем еще один пример, на этот раз фольклорного характера,— сложенный в дореволюционные времена рифмованный рассказ о приезде завербованных подрядчиком рабочих в царскую Россию.

Китайский текст приведен в написании китайским алфавитным письмом Hanyu Pinyin.

Yidian zhong shang chuan,
sandian zhong kai.
San tian. liang ye,
Laidao Waizi jie (gai).
Tazhao matou kan-yi-kan,
Shui yu shen, chuan yu duo,
(вар.: Lou yu gao, chuanguhu duo)
Man jie ren nao ho-ho.
Bu dong waiguo hua,
Shi zai Oluoso (si).
Cai dai shuijiao, you ming,
Datou qilai heng yi sheng.
Huoji men dongde shi zai kuqing.

В час дня на пароход,
В три часа отплыли.
Три дня и две ночи,
Прибыли во Владивосток.
Ступили на пристань, глянули—
Вода глубока, кораблей много
(вар.: Дома высоки, окон много).
На улицах полно людского шума,
Чужой язык непонятен, это ты
в России.
Только собрался соснуть,
снова крик,
Старшина (вербовщик, подрядчик)
поднялся и заорал.
Ребята (товарищи), знайте, что
попали в беду.

Естественно, что в дореволюционное время, когда у нанимателей и царских чиновников не возникало даже и мысли обучать русскому языку приезжавших на заработки отходников-китайцев, для последних типичным было приобщение к русскому языку либо устным путем от ранее приехавших, либо же, если вновь приехавший был мало-мальски грамотен иероглифически, через специальные книжки-разговорники [6, 89]³. И в том и в другом случае приезжий знакомился, как правило, с так называемым китайско-русским диалектом.

Другое немаловажное обстоятельство, определявшее языковую ситуацию, было связано с социальной дифференциацией китайской колонии: наряду с трудящимися (портовые и строительные рабочие, горняки, лесорубы и др.), составлявшими основную массу приехавших, здесь вплоть до середины 30-х годов имела еще и городская мелкобуржуазная прослойка — мелкие торговцы, огородники, ремесленники и т. п., а также явно эксплуататорские, антиобщественные элементы. Характерной фигурой среди последних был до революции и в первые годы после окончательного разгрома белогвардейщины и интервентов так называемый старшинка⁴. Явный эксплуататор по своей социальной сущности, старшинка был подрядчиком или артельщиком, возглавлявшим им же, как правило, набранную либо еще на родине завербованную группу рабочих. В артели он был полновластным хозяином: определял характер работы каждого, вел все расчеты с нанимателями, давал рабочим жилье, кормил в счет заработка и т. п., обирал и обчитывал их при этом как только мог. Существенным преимуществом старшинки было то, что он был грамотен иероглифически, умел говорить по-русски (фактически на китайско-русском диалекте), а порой

³ Пользуюсь случаем внести следующую поправку. В этом месте указанной моей статьи [6] упоминаются «совершенно не описанные в литературе» печатные свидетельства китайско-русского диалекта. Это не совсем так, ибо уже после опубликования статьи В. С. Стариков указал ее автору на работу Л. М. Яковлева «Заметки об „изучении“ русского языка китайским простонародьем», опубликованную посмертно в 1946 г. в Харбине [7]. Хотя Л. Яковлев и не пытался сделать лингвистический анализ материала, он дал довольно подробное внешнее описание разговорников, так называемых «хуабэр» (huaber).

⁴ Очевидно, вариант слов «старшой, старшина, старший». См. Старшина... 2. Старший рабочий (спец.) [4, т. IV, 490].

даже владел кое-как русской грамотой. В этом социальная роль грамоты и владения языком проявлялась особенно отчетливо⁵.

Ликвидация института старшинок была существенной частью борьбы в 20-е и 30-е годы с классово чуждыми и враждебными Советской власти элементами среди китайского населения⁶. В то же время делалось все возможное для повышения материального благосостояния китайских трудящихся, для подъема их культурного и политического уровня. Постоянная борьба с проявлениями буржуазного национализма, вовлечение китайских рабочих в профсоюзы, организация производственных и ударных бригад, кооперирование ремесленников и огородников, выдвижение партийно-комсомольского, профсоюзного актива и специальных инструкторов по работе среди китайских рабочих, организация клубов и красных уголков, развертывание широкой сети пунктов по ликвидации неграмотности на китайском и русском языках, создание китайских учебных заведений, наконец, разработка и распространение китайского алфавитного письма (латинизация) — все это было выражением братского интернационализма, всегда характеризовавшего отношение советского народа к китайскому.

Социальное расслоение отразилось и в словарном составе устной китайской речи, в характере заимствуемых русских слов, в наименовании новых предметов и явлений, новых форм общественных отношений. Вопросы повышения речевой культуры китайских иммигрантов были предметом специального обсуждения на I (1931 г.) и II (1932 г.) конференциях по латинизации китайской письменности во Владивостоке⁷.

Таковы условия, способствовавшие проникновению в китайскую речь и распространению в ней лексических заимствований из русского языка. Нельзя не упомянуть при этом и о воздействии русского языка на китайский письменный язык.

Известно, что издание разнообразной литературы на китайском языке началось в самые первые годы Советской власти⁸ и продолжалось более двух десятков лет, в течение которых в ряде издательств Москвы, Ленинграда, Сибири и Дальнего Востока⁹ были выпущены десятки и сотни названий книг, журналов, газет, брошюр, листовок самого разнообразного содержания. Здесь была литература и общественно-политическая, и агитационно-массовая, и учебная, и производственная, и художественная. В таких изданиях, оригинальных или же переводных, отражалась рожденная революцией новая историческая действительность — социальные сдвиги, новые формы общественных отношений, новые явления, предметы, получившие свои названия в русском языке и требовавшие соответствующих форм выражения в других языках, в данном случае в китайском.

⁵ По-китайски «старшинка» кроме нормативного — gongtou(r) [1, 26] назывался также datoudi, datou, batou или tongshi. Последнее слово примечательно тем, что основное его значение — «посредник», «переводчик».

⁶ Многочисленные материалы об этом публиковались в китайской газете «Gongren zhi lu». Любопытна, например, одна из заметок в этой газете, в которой говорилось: «Dayanguan he baoju hen duo doushi nenggou dongde oguo hua tongshi kaishede». «Опиекурильни и игорные притоны содержат большей частью старшинки (tongshi), понимающие русский язык» [1, 1.IV.1931].

⁷ См. резолюцию I конференции по латинизации китайской письменности, § 10 [3, 11—12].

⁸ Достаточно сослаться на изданную еще в 1918 г., очевидно в Москве, брошюру «Программа коммунистической партии» [8], язык которой отражал еще не устоявшуюся к тому времени общественно-политическую терминологию [см. 5].

⁹ Издательства Коммунистического университета трудящихся Востока (КУТВ) и Коммунистического университета трудящихся Китая (КУТК), Издательство иностранных рабочих в СССР, Партиздат, Дальгиз, Центриздат.

И есть все основания полагать, что пополнение китайского литературного языка такими неологизмами происходило и в Советском Союзе, где в эту пору находился в политической эмиграции ряд видных китайских общественных деятелей и вместе с тем первоклассных переводчиков (упомянем лишь немногих наиболее известных: Цюй Цюбо, Цао Цзин-хуа, Сяо Сань, Линь Бо-цюй, У Юй-чжан). Особенного внимания заслуживают в этом отношении издания на китайском латинизированном алфавите (1931—1937 гг.), сам характер которых требовал отхода от непонятных на слух иероглифических форм выражения. Не все употреблявшиеся тогда неологизмы были удачными и жизненными, но бесспорно, что подобный опыт пополнения словаря китайского языка новыми элементами даже в своих негативных результатах заслуживает внимания исследователя. В предлагаемой статье мы не анализируем эту область языковых заимствований, а лишь упоминаем о ней как о явлении, заслуживающем внимания китаеведов-лингвистов.

II

Проблема заимствованных слов в китайском языке, в частности, привлекает к себе внимание китаеведов-лингвистов как в самом Китае, так и за его пределами. Из последних работ по этой теме наиболее значительными являются «Исследование иноязычных заимствований в современном китайском языке» Гао Мин-кая и Лю Чжэнь-таня [8] и «Материалы к изучению заимствованных и гибридных слов в современном китайском языке» З. Новотной [10]. В них специального разбора заслуживают как подбор и систематизация фактического материала, так и выводы, сделанные на основе анализа приводимых данных. Не вдаваясь сейчас в такой разбор, заметим, что к статьям З. Новотной приложен обширный иероглифический перечень упоминаемых заимствований с пометами о степени освоения данного слова в китайском языке. В то же время автор не классифицирует иноязычные слова по источнику заимствования и не дает, например, списка заимствований из русского языка, хотя и упоминает об увеличении их числа.

В работе Гао Мин-кая такой перечень имеется, но к нему надо относиться с большой осторожностью, так как он содержит много слов либо совершенно случайных, видимо отмеченных один раз в одном каком-нибудь тексте (например, ЛАПП — Ленинградская ассоциация пролетарских писателей или Московская ассоциация художников-станковистов [8, 100]), либо устаревших, вышедших из употребления в русском языке (мир — крестьянский, нэпман, червонец, верста [8, 100—101]), либо же диалектных (буза — напиток [8, 99]), а в одном случае вообще непонятное (Yifanpowiiji — Иванович в значении «хороший человек» [8, 99]) слово.

Бесспорно, языковой материал З. Новотной в целом более достоверен и доказателен, чем у Гао Мин-кая, но оба автора, как правило, оперируют с книжным языком, со словами, заимствованными, нередко случайно, эпизодически, из иноязычных текстов в тексты китайские. В отличие от этих работ в предлагаемой статье характеризуются факты китайской устной речи, рассматриваются заимствованные русские слова, распространенные в китайской речи данного языкового коллектива. Иными словами, З. Новотна и Гао Мин-кай ориентируются на систему китайского литературного языка, тогда как мы ориентируемся на его диалектную подсистему, ибо заимствования, поро-

даемые непосредственным устным контактом двух коллективов, как правило, происходят на уровне диалектов. Так, З. Новотна не приводит в числе заимствований таких русских слов, как *машина*, *плита*, *ведро*, зарегистрированных и китайскими языковедами в качестве заимствованных слов северо-восточных диалектов. Слово *lieba* «хлеб», прочно вошедшее в эти диалекты, Новотна приводит с пометами «изолированное», «неассимилированное», которому в норме соответствует слово *hei mianbao*¹⁰.

С этим различием в характере языкового материала связана, в частности, и такая особенность, как расхождение между общим количеством иноязычных слов, заимствованных в китайский язык, и количеством слов, им освоенных. Большая часть заимствований, приводимых в упомянутых двух работах, так и не вошла в лексический фонд современного китайского языка, тогда как описываемые ниже заимствования из русского языка в устную и письменную (алфавитные тексты) речь китайских иммигрантов в Дальневосточном крае и Сибири входили в свое время в их активный словарный запас.

Описываемые нами языковые факты важны еще в одном отношении. Как известно, различаются два вида заимствований — лексические, при которых слово заимствуется в его иноязычном облике, и семантические, при которых имеет место буквальный перевод слова или словосочетания на заимствующий язык. Применительно к китайскому языку выделение указанных двух видов имеет особо важное значение, и поэтому З. Новотна имела полное основание подчеркивать во вступительной части своего исследования, что одной из ее задач является попытка показать, «почему заимствования и в меньшей степени гибридизация не были в широком масштабе приемлемы для лингвистической системы китайского языка и почему ему пришлось прибегнуть к другим путям образования слепков с иноязычных моделей и к созданию собственной терминологии» [10, 1967, № 4, 616].

З. Новотна считает, что «основные причины, определяющие сравнительно небольшое число интернациональных элементов в китайской лексической системе, коренятся главным образом в лингвистических факторах», к числу которых относится «идеографический характер китайского письма, не способствующий записи желаемых сочетаний фонем и требующий определенных семантических соотношений между графемами и записываемыми морфемами» [10, 1968, № 2, 322]. Там же автор поясняет, что «если язык обладает более легкой системой письма, то его лексическая система становится более открытой, несмотря на типологические различия между языком, заимствующим слова, и языком — их источником. Это лучше всего видно на примере японского языка, в котором слоговая азбука „катакана“ позволяет записывать слова, заимствуемые из европейских языков» [10, 1968, № 2, 322].

Нам кажется малооправданным категорическое утверждение о неприемлемости лексических заимствований для лингвистической системы китайского языка. Мы полагаем — и это является основным тезисом предлагаемой статьи, — что суть дела заключается не столько в лингвистической системе китайского языка, сколько в системе китайской письменности. Там, где письменность не оказывает своего ограничивающего воздействия, т. е. при устном заимствовании, послед-

¹⁰ Для слова *lieba* Гао Мин-кай и З. Новотна дают в качестве китайского эквивалента *hei mianbao* «черный хлеб». Это не совсем так. *Lieba* значит вообще хлебные изделия, в том числе и печеный хлеб. Ср. *lieba quag* «сушка», *lieba gang* «сухари», *putao lieba* «хлеб с изюмом» и, наконец, *hei lieba* «черный хлеб», где начальный согласный «х» русского слова передается китайским слогом *hei*.

нее происходит в довольно широких размерах. И независимо от того, войдут ли подобные заимствования в общее употребление, останутся ли они в пределах диалектной лексики или же вообще исчезнут, они лингвистически примечательны тем, что показывают, насколько повышается способность китайского языка к освоению иноязычной лексики при отсутствии такого препятствующего этому фактора, как иероглифическая письменность.

III

Особенности описываемой языковой ситуации заключались в следующем.

1. Заимствование русских слов в китайскую речь происходило на общем фоне своеобразного двуязычия: китайские эмигранты помимо родного языка владели в разной степени и форме (смешанный китайско-русский диалект, русское просторечие, литературная речь, в единичных случаях владение русской грамотой) языком — источником заимствования. Поэтому следует отличать активный запас русских слов, т. е. подлинные заимствования, от словаря пассивного, т. е. русских слов, известных китайцам, но не употребляемых ими при общении на родном языке.

2. Заимствование происходило на территории распространения языка — источника заимствований. В этом состояло отличие от ситуации, скажем, в Северо-Восточном Китае, где русско-китайские языковые контакты происходили на территории распространения заимствующего языка. Очевидно, аналогией описываемой нами обстановки могли бы служить иноязычные заимствования в язык китайских эмигрантов Индонезии, Малайзии, Тихоокеанского побережья США и т. п.

3. Заимствование охватывало сравнительно узкую область языка. Пополнение китайского языка русскими словами шло, как уже упоминалось, из устной речи в устную же речь, минуя письменный язык как возможную начальную или конечную (закрепление) стадию. Лишь в послереволюционный период отдельные уже освоенные в китайской речи русские слова стали появляться в китайской печати, причем особенно широко использовали русские слова, в частности термины, издания на латинизированном алфавите. Примеры (приведены в орфографии китайского латинизированного алфавита): *Zhungguo kyudi cing-xing* [12, 11.IV.1937] «Положение в советских районах Китая»; *Xyosi sin wenzdi udarnik* [12, 22.I.1936] «Ударник в изучении нового алфавита»; *bolshewikdangdi lingdao zoyng* [12, 7.XI.1937] «руководящая роль большевистской партии»; *peijang kolhoz ganbudi 7 tiandi kurs* [12, 1.IV.1936] «семядневные курсы по подготовке колхозных кадров»; *Womn iao chengwei staxanowzhe* [12, 22.I.1936] «Мы должны стать стахановцами».

Здесь уместно повторить, что в предлагаемой статье рассматриваются только лексические заимствования. Семантические же заимствования (кальки), численно преобладавшие и широко распространенные в 20—30-е годы в советских переводных и оригинальных изданиях на китайском языке, подлежат рассмотрению в специальной работе. В данном случае достаточно будет ограничиться примерами таких новообразований, отражавших новые явления советской действительности:

а) «Переходящее Красное знамя» — «„Pioner“ ginchang zhungguo gungrhen dodeliao liuzhuan xunghi» (написание подлинника) — «Китайские рабочие прииска „Пионер“ завоевали переходящее Красное знамя» [12, 4.X.1937].

б) «Машинно-тракторная станция» — «iu gingzhunggizhan (MTS) di

bangzhu zuzhiliao igo...» (написание подлинника) — «с помощью машинно-тракторной станции (МТС) организовали...» [12, 11.IV.1936].

Добавим к этому, что разговорный язык создал ряд китайских наименований новых явлений, общественных институтов, появившихся после утверждения Советской власти на Дальнем Востоке. Примеры: 1) fuqian «отпускные» [сущ.] (от xiefu «отдыхать» и qian «деньги»); 2) bing zhi «больничный листок» (от bing «болезнь» и zhi «документ, удостоверение, справка»); 3) banggong, zhugong «субботник» (от gong «работа» и bang или zhu «помогать»). Все эти слова не вошли в норму китайского литературного языка, где для них имеются другие соответствия [см., например, 2, 83, 697].

Лексические заимствования распадаются по своей структуре на две группы — простые и сложные. Простые представлены одним компонентом — заимствованным русским словом. Сложные состоят из двух компонентов, сочетающихся по принципу определительной связи, где русское слово стоит на первом месте и выступает в роли определения, обозначающего видовое понятие. Другим компонентом является китайское слово, которое выступает в роли определяемого, передающего родовое понятие. Примеры:

а) malintang «монпансье, леденцы» — из рус. «малинка» (диалектное «монпансье»); ganfeitang «конфеты» — из рус. «конфета»; ilisitang «ирис» — из рус. «ирис» и кит. tang «сахар, конфеты» (определяемое);

б) shuiwozi «водовоз» — из кит. shui «вода» и рус. «воз»;

в) bazashir «базар» — из рус. «базар» и кит. shir в том же значении.

Примеры словосочетаний: а) mashili zhen «швейная машина» — из рус. «машина» и кит. zhen — «иголка»; б) cun qian banke «сберкасса» — из китайских слов cun «хранить», qian «деньги» и рус. «банк».

Таких смешанных слов относительно много. Велико их число и среди заимствований, описанных З. Новотной, что и дало ей основание назвать свою работу «Исследование о заимствованных и смешанных (*hybrid*) (подчеркнуто нами.— А. Ш.) словах в современном китайском языке».

Перечисляя лингвистические факторы, ограничивающие лексическое заимствование в современный китайский язык, Новотна ссылается на идеографический характер письменности, «требующей определенных семантических соотношений между графемой и записываемой с ее помощью морфемой» [10, 1968, № 2, 322]. В описываемых нами случаях это соотношение, как правило, не отмечалось. Записывая русские слова иероглифами, грамотные иероглифически информанты подбирали китайские знаки независимо от их значения. Правда, в единичных случаях отмечалось намеренное сопоставление заимствованного или известного русского слова со значением близкого по звучанию китайского слова или словосочетания. Например, русское просторечное «барахолка» — «толкучий рынок, где продаются старые, подержанные вещи» [4, т. I, 89] — ассоциируется с китайским polanhu «старье, ветость, лохмотья»; yī budai — рус. «один пуд» — этимологизируется как китайское словосочетание yī «один», wu «материя, полотно», dai «мешок», т. е. как изготовленная из материи тара для сыпучих тел — муки, сахара, крупы и т. п. — вместимостью в один пуд. Иногда слова, где внешняя, звуковая сторона заимствований может быть сопоставлена или отождествлена со словом или словосочетанием китайского языка, дают повод для каламбурного осмысления заимствований. Например, рус. «слава богу» осмысливается как кит. si lang bao hu, что значит «четыре волка охраняют тигра».

Большое лингвистическое значение имеют случаи, где в заимствуемых словах одна из морфем отождествляется с близкой по звучанию и

подходящей по смыслу китайской морфемой. Так, в заимствованном слове hejajin — рус. «хозяин» — слог -ujin передает русский слог «-ин», но в то же время он может быть осмыслен как слово «человек» в шаньдунском произношении. Любопытно, что китайцы, в диалекте которых слово «человек» звучит hep (жэнь), произносили и записывали алфавитом слово «хозяин» как hegiaghen (орфография латинизированного алфавита).

Фонетические особенности заимствованных слов в свое время специально не изучались, хотя сами слова записывались в точной фонетической нотации. Очевидно, что эти особенности не отличаются от фонетических особенностей китайско-русского диалекта, кратко охарактеризованных в нашей специальной статье [6, 92—94]. Тем более не приходится говорить о фонетическом взаимодействии русского и китайского языков как результате их контактов.

Из морфологических особенностей следует упомянуть оформление заимствованных слов китайскими модальными частицами -la и -ba, суффиксом -di и послелогом -li. Примеры: shang bazashirla «на базаре»; basaoba «пошел» (побуждение); hejiba «иди»; womn yao yong udarnikdi jingshen ganho «мы должны работать по-ударному»; kolhozdi lingdaoze «колхозные руководители»; zai tielu sovhozli zuogongdi zhongguo gongren «китайские рабочие, работающие в железнодорожном совхозе».

Особняком стоят единичные случаи оформления заимствованных глаголов китайскими глагольными суффиксами. Например, заимствованный русский глагол «думать» имеет следующие производные формы: wo dumuzho «я думаю»; bantian dumubuchulai «ничего не придумал». Сюда же следует отнести оформленное по нормам китайского языка (удвоенное глагола) заимствованное, правда в шутовском употреблении, sabu-sabu «проводить собрание».

Подобно заимствованиям в других языках, лексические и семантические заимствования из русского языка в китайский представлены в подавляющем большинстве случаев именами существительными, обозначающими новые предметы, понятия и явления, названия которых в родном языке отсутствовали вообще либо же были неизвестны членам языкового коллектива. Нередко эти названия существовали, даже были известны, но говорящие предпочитали им заимствованные слова.

Что касается состава заимствованных слов, то здесь можно отчетливо различать русские слова, заимствованные китайским языком до и после установления Советской власти. Среди дореволюционных заимствований преобладали элементы бытовой лексики, названия новых предметов, необычных, как таковые, или по своей форме: weidalo «ведро»; bieliqi «печка, печь»; sidagan «стакан»; binjiake «пиджак»; bielida «плита»; lieba «хлеб».

Из слов, характеризующих дореволюционные социальные отношения, были широко известны такие, как gebidan — из рус. «капитан» — обращение к мужчине; madamu — из рус. «мадам» — обращение к женщине; ucasig «участок (полицейский)»; gelaowu — из рус. «караульный» в значении «дворник, постовой» и т. п.

Новые социальные условия, сложившиеся после установления Советской власти на Дальнем Востоке, изменили количественно и качественно состав заимствованных русских слов. Многие слова вообще исчезли из активного оборота, а главное, в родной язык китайцев Дальневосточного края вошло много слов, отражавших новые условия работы и жизни китайского населения. Некоторые из таких слов уже упоминались выше, и здесь достаточно перечислить новые русские слова, ко-

торые в той или иной форме (лексические, семантические заимствования, гибридные слова) вошли в китайскую устную и частично письменную речь:

Артель	Курсы	Путевка
Больничный лист	Мастер	Совет
Бригада	Местком	Совхоз
Бригадир	Партия	(Проф)союз
Колхоз	Прогул	Ударник
ЦРК (Центральный рабочий кооператив)	Цех	Шеф

ЛИТЕРАТУРА

1. Китайско-русский словарь (под ред. И. М. Ошанина), М., 1955.
2. Новый русско-китайский словарь (под ред. Лю Цзе-жуна), Пекин, 1959.
3. Орфографический справочник латинизированной транскрипции китайских иероглифов, М., 1932.
4. Толковый словарь русского языка (под ред. Д. Н. Ушакова), т. I, IV, М., 1935, 1940.
5. Шпринцин А. Г. Интересный документ,— «Народы Азии и Африки», 1962, № 2, стр. 129.
6. Шпринцин А. Г. О русско-китайском диалекте на Дальнем Востоке,— сб. «Страны и народы Востока», вып. VI, М., 1968, стр. 86—100.
7. Яковлев Л. М. Заметки об «изучении» русского языка китайским простонародьем,— «Записки Харбинского общества естествоиспытателей и этнографов», 1946, № 1, стр. 35—36.
8. Гао Мин-кай хэ Лю Чжэнь-тань, Сяньдай ханьюй вайлайцы яньцзю (Исследование заимствованных слов в современном китайском языке), Пекин, 1958.
9. Гоцзяопай чжи гаобай (Программа коммунистической партии), [б. м.], [б. г.].
10. Novotna Zdenka Contribution to the study of loan-words and hybrid words in Modern Chinese,— «Archiv Orientalny», 1967, vol. 35, № 4, стр. 613—647; 1968, vol. 36, № 2, стр. 295—325; 1969, vol. 37, № 1, стр. 48—75.

Газеты

11. Gongren zhi lu («Рабочий путь»), орган Далькрайкома ВКП(б) и Далькрайсовпрофа, I.IV.1931; 23.VI.1931.
12. Yngxi sin wenz («За новый алфавит»), учебно-политическая газета Дальневосточного комитета нового алфавита для малограмотных китайских трудящихся.